

Яков Носков

ДЕРЕВНЯ СВИДЕРСКАЯ ТАРСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Носков Яков Иванович (18.10.1918–26.10.2004) родился в д. Свидерская Тарского района Омской области в семье крестьянина. В 1935 году после окончания Орловской семилетней школы поступил в Тарское педагогическое училище. В 1937 году был направлен учителем в начальную школу д. Владимировка Колосовского района Омской области. В сентябре 1939 года призван на службу в ряды Вооружённых Сил СССР. Участник Великой Отечественной войны, пять раз был ранен. С октября 1946 по сентябрь 1958 года работал преподавателем математики и директором в школах Колосовского района Омской области: в Корсинской семилетней школе (1946–1952) и Строкинской средней школе (1952–1958). В 1953 году окончил заочное отделение Омского педагогического института им. А. М. Горького (физико-математический факультет).

В 1958 году переехал с семьёй в г. Петропавловск Северо-Казахстанской области, где в 1959–1962 годах руководил областной школой-интернатом № 1; в последующие годы, до ухода на пенсию в апреле 1990 года, работал в Петропавловском педагогическом институте: занимал должность старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой педагогики и психологии, исполнял обязанности учёного секретаря. В 1971 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук, в 1973 году ему было присвоено звание доцента. Я. И. Носков был награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За трудовое отличие» и юбилейными медалями.

За 40 лет научной и краеведческой деятельности опубликовал три брошюры и более семисот статей по вопросам воспитания

детей и молодёжи, по истории деревни Свидерская и Тарского района Омской области (в 1980-е – начале 1990-х годов печатался в тарской районной газете «Ленинский путь»).

Более двадцати лет Яков Иванович занимался сбором сведений о родной деревне Свидерской, результатом его краеведческих изысканий стала многостраничная рукопись «Деревня Свидерская Тарского района Омской области». Сам автор определил жанр своего повествования как историко-публицистический рассказ. В рукописи представлена история деревни Свидерской за 335 лет, с момента основания в 1656 году по 1998 год. Исследователь использовал документы центральных архивов России, Исторического архива Омской области и его филиала в г. Таре, воспоминания односельчан, изучал историческую литературу. Он детально описал быт сибирских крестьян: их жилища, хозяйственную деятельность, формы проведения досуга и т. д. Рукопись содержит и авторские размышления по различным вопросам крестьянской жизни, в том числе и о реформах, происходивших в деревне и стране, легенды и версии. Она состоит из трёх глав и четырнадцати приложений, которые создавались по мере расширения источниковой базы. Общий объём рукописи (машинописного текста) составил 696 страниц.

Рукопись была напечатана в количестве 10 книжных экземпляров способом трафаретной печати (ротатором). Научные консультанты книги «Деревня Свидерская Тарского района Омской области: историко-публицистический рассказ» (Тара – Омск – Петропавловск, 1988–1992) – омский учёный, доктор исторических наук А. Д. Колесников и петропавловский историк-краевед М. И. Бенюх. Один экземпляр книги хранится в Тарском историко-краеведческом музее (передан самим автором). Второй экземпляр Яков Иванович подарил тарскому историку-краеведу, кандидату ис-

торических наук А. А. Жирова, семья которого передала его Тарской центральной районной библиотеке: с книгой можно поработать в Научно-краеведческом центре им. А. А. Жирова.

В данном издании, уважаемые читатели, вам предлагаются фрагменты этого фундаментального труда энтузиаста-краеведа Я. И. Носкова, освещающего жизнь сибиряков за несколько столетий через историю небольшой деревеньки.

*В. Н. Носкова, научный сотрудник
Научно-краеведческого центра
им. А. А. Жирова*

Тарской центральной районной библиотеки

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНИНА

Прежде всего мои земляки пели песни, находя себе отдушину от повседневных хлопот и забот. Распевали, не подозревая, что есть скрипичный ключ, нотная грамота, где-то работают дирижёрами специально подготовленные люди. Пели в семье, компании, мурлыкали в одиночку, в частности старики. Тексты песен и их мелодии передавались от поколения к поколению, иногда сильно искажались.

Из музыкальных инструментов гуляла по рукам единственная в деревне русская гармошка. Владел ею Дмитрий Антонович Носков, проживавший на окраине деревни, около роши. Кроме него, на гармошке играл брат Сергей, а позднее – сын Семён, погибший в бою во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Играли и другие односельчане, которые научились мало-мальски пикивать.

Исполняли песни старинные (протяжные) и новые, прозванные советскими. Старинные песни пели во время праздников, особенно старались захмелевшие мужики. Например, Лукьян Гаврилович Озеров неизменно запевал в компании родственников и гостей песню, которая начиналась такими словами:

*Скрывалось солнце за степью,
Вдали – золотистый ковыль.
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.*

Советские песни, которые сочинял Демьян Бедный – мужик вредный – и другие авторы-поэты, преимущественно исполняли молодёжь, школьники. Мотивы их сравнительно быстро передавались из уст в уста. Пели на вечеринках, во время прогулки парней вдоль деревни в вечернее время. В 20-х годах жила одна из песен, в которой содержались следующие слова:

*Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты,
Мать родная по тебе будет плакать.*

Список песен, исполнявшихся селянами, был небольшим. Некоторые из них люди боялись петь, так как они нередко попадали под запрет. Хорошо помню быстро запрещённую песню «Там, вдали, за рекой загоралась заря». В ней содержались три слова: «Комсомольское сердце разбито». Нам учительница А. П. Бернадская объясняла примерно так: «Комсомольские сердца невозможно разбить. Они были и будут вечными». Мы, наивные учащиеся, выслушав подобное заключение, разучивали другие песни, в которых не разбивались сердца. Но всё равно предварительно узнавали в клубе или сельсовете, не запрещены ли они.

Бывали анекдотичные случаи. Несколько дней разучивали новую песню, в том числе и в Орловской школе, где я в то время учился. Заучили текст, усвоили мотив, получили похвалу. Скажем, сегодня на вечере бойко её распевали под гармошку. Завтра из Орловского сельского совета нарочный, посыльный, придя в школу или в клуб, сообщает: «Эта песня запрещена». Иногда понравившуюся песню исполняли тайком. Тем более, нас не судили, лишь достаточно сурово советовали: «Выбросьте из головы эту песню». Взяв руку под козырёк, учителя, клубные работники (избачи) давали обещания, что будут строго следить, чтобы в школах (на уроках и переменах) и

деревнях не исполнялись запрещённые песни, не читались запретные книги, не велись злонамеренные разговоры, не разносились антисоветские слухи, уважались портреты и памятники В. И. Ленину (в доколхозный период памятники И. В. Сталину пока не воздвигались). В связи с последним рассказу о курьёзном случае.

Однажды утром жители г. Тары Омской области обнаружили, что на памятнике Ленину, стоявшему на пересечении улиц Ленина и Советской, написано двестише:

«Прилетели два грача
Обо..али Ильича».

Слова были написаны крупным шрифтом и человеческим калом. Всё начальство от мала до велика устремилось искать преступников. Особенно старался милиционер Иван Савик. Слух разнёсся далеко за пределы города. Кто повторял двестише, подвергался преследованию. Не знаю, нашли ли писак, но «шишки» обильно сыпались на многие невинные головы. В наше время хулиганы даже глумятся над могилами бывших фронтовиков, торгуют их наградами, унижают в публичных местах... И хоть бы что кому. Но вернусь к песням.

Песни исполнялись во время лёгкой, но нудной работы, например, вечерами, когда перерабатывали лён-сырец в пряжу. Голосили, когда везли снопы с полей на гумно, размалывать зерно на мельницах. Пели тогда, когда ехали на работу в поле или возвращались домой. Не все слыли активными песнярами. Одни проживали угрюмыми с самого детства, вторые стеснялись оттого, что над ними будут едко подсмеиваться, третьи не обладали даже элементарным слухом («медведь на ухо наступил»), четвёртые жили в такой обстановке, что им было не до песен.

Радио- и телепередачи тогда не производились. Сведения о социально-экономических событиях «доставляли сороки на хвостах» или извещало «сарафанное радио». Письма писались и отправлялись лишь в дальние населённые пункты. Грамотеев

не доставало, и за почтовые марки следовало платить в следующих размерах: для простого письма – 40 коп., доплатного – 1 руб. Это немалая сумма (по существовавшему курсу денег). Все официальные сообщения исходили из сельсовета, куда поступали указания сверху. Кто побывал в сельском совете, того дотошно спрашивали: «О чём говорят там, какие налоги готовят, что толкуют о хлебозаготовках?»

Услышав неприятные новости, мужики, причмокивая, раскрывали глаза пошире и почёсывали в затылках. Дальновидные крестьяне прикидывали в уме или вслух: «Да-а, в прошлом году отвёз государству без малого 200 пудов (в пуде 16,3 кг), получил пшик, похоже, нынче ещё добавят, получу второй пшик».

Газет и тем более журналов не выписывали: денег не хватало, и грамотных людей было мало. Если кто-то доставал районную газету «Ленинский путь», то, прочитав, её использовали для курения, для приготовления сигарки с табаком.

Ещё один канал приобщения к культуре, духовной жизни человека – обучение в школе. Но не многие дети учились в ней. Бывало так, что в начале учебного года они приходили в с. Орлово из многих деревень Орловского сельсовета. Поучатся один-два месяца, начинают бросать «свои университеты». Причины отмечались различные: у одних не было зимней одежды, у вторых – мало работников в семье, а едоков много, у третьих охоты к учению не наблюдалось, четвёртые слабо учились. О последних так и говорили: «Наш Ванька тупой. Ему грамота не идёт». В конце рассуждения выносятся «приговор»: «Ему не быть учёным». Примерно десятая часть детей оканчивала начальную школу. Семилетние и средние девятилетние школы находились далеко-далеко, за 30-40 вёрст. Обучение в них оставалось радужной мечтой.

Когда обучавшихся оказывалось мало, как-то и забота у родителей об определении

питомцев в школы притуплялась. Некоторые из них так и рассуждали: «Пахать и сеять можно и без грамоты суметь». Иные дополняли: «Если все с портфелями будем ходить, то кто же станет работать». Всё же дальновидные отцы и матери поступали по-иному. Правда, учились друг у друга читать небольшие книги и расписываться.

В то время учителей присылали из мелких городов и районных центров, где они имели возможность получить среднее или семилетнее образование. Но почему-то они, проработав два-три месяца, уезжали восвояси. Так что за учебный год сменялись в одном классе начальной школы три и более педагогов. Период «пересмены» учителей иногда затягивался на несколько дней. Примерные ученики ходили в школу, чтобы узнать, прислали ли нового учителя, а недобросовестные радовались: можно подольше дома побыть и поиграть вдоволь.

Зимние каникулы продолжались долго. Учебный год для некоторых учащихся начинался позднее 1 сентября и оканчивался раньше. Почему? Когда весной разливалась Оша и начинались весенние работы, учащиеся-подростки «сматывали удочки», включались в полевые работы, забрасывали учебные книги и тетради на 3–4 месяца. Осенью также требовались рабочие руки, в том числе и детские. Хотя если какой-то ребёнок не весь учебный год проучился, всё равно его переводили в следующую группу (классы тогда назывались группами). Родители так и говорили: «Проходила моя Манька две зимы – окончила две группы». Весенних и осенних экзаменов не было, оценок не выставлялось ни в течение учебного года, ни в конце его.

В нашей школе никаких воспитательных мероприятий не проводилось. Встреча Нового года запрещалась как буржуазный пережиток. Лишь в 30-х годах началась кампания по проведению новогодних ёлочек, исполнение соответствующих песен и т.п. Советские праздники типа Октябрьской

революции, женского праздника 8 Марта, Дня Парижской Коммуны проводились в народных домах (клубах), а позднее – и в конторах колхозов. Во время перемен, а иногда после уроков ученики устраивали свои игры. В то время мы увлекались игрой в чехарду-езду.

Во внеучебное время педагоги оказывались далёкими от учащихся. Они к детям не приближались, а школьники держались от них на почтительном расстоянии. Учителя были городскими жителями, имели приличную одежду и обувь, пользовались одеколоном. А мы, сельская ребятня, ходили в холщовой одежде, носили подшитые валенки, а некоторые посещали школу в лохмотьях, с насекомыми.

О театрах и кинотеатрах даже слышали немногие. В «медвежьих углах» демонстрация кинофильмов началась сравнительно регулярно в предвоенные годы. В среднем один раз в месяц привозили немые чёрно-белые фильмы. Весть о приезде в деревню киномеханика распространялась быстро. Начинались поиски денег, которых у селян было кот наплакал.

Динамо, которое приводило в движение киноаппарат, крутила ребятня (электричества в деревнях не было). Делалось это так. Киномеханик объявлял: кто прокрутит одну часть, тот будет просматривать все остальные части. Скажем, для шести частей подбирались шесть мальчуганов. У них отбирались шапки или кепки, чтобы не улизили от работы, а по окончании демонстрации фильма возвращались. Киномеханик подбирал наиболее сильных мальчишек, а слабых не принимал в свой «штат». Плохие головные уборы он также не принимал. Видимо, бывали такие случаи, когда «наёмный рабочий» отдавал негодную шапчонку, просматривал фильм, а динамо не крутил. Найти его среди зрителей в темноте оказывалось невозможным.

Иногда нанимался один сильный мужчина, который прокручивал все части фильма.

Его труд оплачивался деньгами. Тогда мы, мальчуганы, расстраивались: не удавалось посмотреть кинофильм. Деньги для покупки детских билетов давали немногие родители. Замечу, что, даже крутя динамо, можно было посмотреть ту часть, которую крутили, чтобы вызволить свою шапку из «плена» и посмотреть остальные. После прокрутки динамо сидит мальчуган, как барин, наравне с другими зрителями: смотрит фильм, и пот на теле исчезает. Порой киномеханик поступал и так: прокрутит мальчик часть – получает свой головной убор. После этого «наёмный рабочий» не убежит.

Вот так приобщались к культуре посредством кино.

Уровень общей культуры селян предопределял их речь, словарный запас и др. Так вот, словарный запас моих земляков в среднем исчислялся 1000–1200 литературными словами. В разговоре употреблялись простые предложения, состоявшие из существительных, глаголов и небольшого количества местоимений, наречий и прилагательных. Кроме литературных слов, односельчане пользовались словами, специфичными для нашей деревни.

Некоторые слова частично искажались, скажем, заменялся один-два звука, другие резко отличались от литературного языка. Названия части вещей, представителей природы употреблялись не по «адресу», например, крысы назывались хомьяками, а хомьяки – крысами.

Воспроизведу наиболее употребительные слова и словосочетания, которые не совпадали с литературным языком. Сначала буду называть деревенское произношение, а затем – литературное и пояснение к нему.

Список специфичных и литературных выражений, расположенных в алфавитном порядке:

Анадысь – несколько дней назад; вчерась – вчера; завозня – надворная кладовая; кочан – кочерыжка у капусты; кыска – киска,

кошка; лагушка – деревянная посуда для перевозки питьевой воды; лягуха – лягушка; махонький – совсем маленький; намедни – несколько дней назад; нетр – метр; нетрика – метрика, выписка о дне рождения из книги ЗАГСа; окромя – кроме; пимы – валеночки; семой – седьмой; суган – рыболовная снасть, изготовленная из прутьев ивняка; супротив – наперекор; туезок – жбан, деревянный сосуд для кваса; хаболда – взбаломошная девчонка; цыгарка – сигарка, в которую завёртывается табак для курения; он читат – он читает; шкап – шкаф.

В целом духовный облик селянина можно назвать не очень широким. Но он являлся чистым в нравственном отношении. В поведении сельские жители были честными и справедливыми, в труде – добросовестными и аккуратными, в отношении к имуществу – бережливými и расчётливыми, в отношении к чужому горю – внимательными и отзывчивыми.

Итак, мне пока удалось проутюжить взаимодействие крестьянина с природой, рассказать о крестьянском жилище и хозяйстве, о духовном облике сельского труженика. Всё это невидимыми нитями связывалось с политикой, которая давила на крестьянина. Она, как дамоклов меч, держала сельского жителя в страхе, в бесправном положении. Именно господство над телом, кровью и духом людей в нашем большом государстве породило страшное и кровавое явление – сталинщину. Об этом я намерен поведать в предпоследней части моего рассказа.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИКА ЛИКВИДАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА (1930–1941 гг.)

Чтобы предварить понимание читателем совершившегося, намерен указать на ряд причин, которые породили драматическую полосу в нашей жизни и в отечественной истории.

В публицистической литературе рассматриваются как объективные, так и субъективные причины. Хочу обратить внимание на следующие из них:

– в Гражданскую войну страна потеряла лучшие пролетарские кадры, так как «атакующий класс» самоотверженно отстаивал свою родную советскую власть;

– на войне погибли видные и преданные партийные кадры, которые «водили полки в сабельный поход»;

– партия и народ лишились самого авторитетного партийного руководителя и революционного вождя – Владимира Ильича Ленина (22.IV.1870–21.I.1924);

– наука, техника и культура потеряли часть интеллигенции как общественной силы: одни её представители перешли во враждебный лагерь, другие погибли в огне Гражданской войны;

– сторонники И. В. Сталина сравнительно быстро поняли, что для них командно-административный метод руководства массами есть единственный приемлемый и наиболее простой.

Одной из сил, которая могла бы противоборствовать сталинщине, являлось крестьянство. С ним начали сталинцы новую Гражданскую войну, которая осуществлялась под флагом ленинизма коварными и жесточайшими средствами и методами. Она отразилась, как в зеркале, в каждой деревне, селе и семье, где по указке сверху организовывалось ограбление и уничтожение крестьянина. Его железным кулаком загоняли в колхоз, а затем содержали в чёрном теле, рабелепии и страхе.

Если рассказывать о жителях Тарского района, то брожение в умах и возмущённые голоса раздавались непрерывно, хотя открытых выступлений против насильственной коллективизации не наблюдалось. Большинство крестьян понимало идеи Ленина, а Сталина почему-то называло большеголовым и усатым дураком. Это мнение о Сталине мне стало известным от

жителей нашей деревни. Позднее сельские жители узнали не столько о дурацких выходках «вождя народов», сколько на себе испытали кровавые расправы с неугодными и инакомыслящими. Тут подошло время рассказать о конкретных фактах, за которыми возможно увидеть человеческие судьбы, поучительные уроки жизни, которые играют и будут играть определённую роль в наши дни.

С целью организации колхоза массированная обработка жителей дер. Свидаерской началась с проведения собраний бедноты. Они созывались в глубокой тайне поздними вечерами в просторной избе Озерова Алексея Гавриловича. Состав таких собраний назывался комитетом бедноты (комбедом). В комбед входила примерно пятая часть всего населения деревни. Количество участников в отдельных собраниях колебалось: то их насчитывалось меньше, то больше. Может быть, кое-кто будет усмехаться и не поверит, о чём расскажу ниже. А в то время было не до смешков, участники комбеда и в данное время хорошо помнят, чем заканчивались такие заседания: одни дрожали от испуга, другие готовили к злодейским испытаниям...

Так вот, когда комбедовцы пробирались в своё заветное место для очередного заседания, а в деревне почти всё и всегда на виду и на слуху, другие жители с трепетным волнением выглядывали из окон, щелей, из-за углов строений. Неучастники заседаний комбеда про себя или вслух размышляли: «Снова комбедовцы собираются. Что же будет после этого сборища?» А затем, тяжело и глубоко вздохнув, гадали: или у кого-то решат имущество описать и отобрать, или решат кого-то отправить в ссылку на болотистую местность, завтра снова начнут загонять в колхоз.

Мы, мальчишки-сорванцы, ухитрились подслушать, о чём говорят члены комбеда, но нас, как назойливых мух, отгоняли подальше. Хотя решения принимались в

глубокой тайне, всё же просачивались к нам обрывочные сведения, которые мы передавали старшим, прежде всего родителям, знакомым.

И вот в начале 1930 года начались общие собрания граждан деревни Свидерской. Лишь после трёх бурных собраний, которыми руководили уполномоченные Тарского районного земельного отдела (райзо) и депутат Орловского сельсовета Иван Фёдорович Зубов, в феврале 1930 года была образована сельскохозяйственная артель имени Потребкооперации (позднее в обиход вошёл термин «колхоз»). В то время промышленных и других товаров в продажу почти не поступало. Поэтому мои земляки шутили: «Может быть, нам больше товаров будут продавать? Не зря же нашему колхозу присвоили такое имя?» Первым председателем сельхозартели избрали демобилизованного из рядов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) Пученцева Леонтия Фёдоровича (1906–1982).

Кратко опишу, как проводились собрания по поводу организации колхозов. Обычно они начинались в утреннее время и продолжались весь день. Оставшись без обеда, его участники, потеряв всякий аппетит к еде, «пластались» без перерывов. После грозных и неубедительных докладов, с которыми обычно выступали уполномоченные РИКА, представлялся список вступивших в колхоз из числа бедноты. Вступление бедноты в сельхозартель оформлялось на заседании комбеда. Остальным предлагалось присоединиться к ним. Никаких заявлений не писалось: подавляющая часть присутствующих на собрании была неграмотной, а малограмотных не так-то просто было заставить написать подобные прошения.

Прекрасно помню, как в других несговорчивых населённых пунктах на подобных собраниях присутствовали представители ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР, существовавшее в 1923–1934 гг.). Эти

представители находились в полной военной форме и с наганом на боку. В ходе собрания некоторые смельчаки выкрикивали: «Пусть беднота организует свой колхоз, а середняки – свой». Комбедовцы категорически возражали, так как они не располагали достаточно тягловой силой, скотом, семенами, сельскохозяйственными машинами и т. п. Даже опыта ведения хозяйства у них оказывалось меньше, чем у середняков. Иногда предлагалось образовывать ТОЗы, но это предложение официальными вышестоящими органами отменялось. Сталинцы лихорадочно торопились осуществить сплошную коллективизацию.

Даю пояснение к сокращённому слову «ТОЗ». ТОЗ – товарищество по совместной обработке земли, форма коллективного хозяйства, предполагающая добровольное обобществление земли и труда при сохранении личной собственности на средства производства. В ТОЗах общественными становились только машины и орудия, приобретённые на доходы товарищества. Рабочий скот и инвентарь, принадлежащие крестьянам, объединялись с согласия их владельцев лишь на период выполнения сельскохозяйственных работ. В СССР ТОЗы возникли в первые годы советской власти. Накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства (1929 г.) составляли свыше 60% общего числа коллективных хозяйств. С начала 30-х годов они постепенно преобразовались в сельскохозяйственные артели (См.: Большая советская энциклопедия : в 30 т. – Москва, 1977. – Т. 26. – С. 47–48)*.

Акт вступления в колхоз воспринимался и психически переживался по-разному. Одни радовались, другие горевали, никак не могли смириться с ликвидацией крестьянского хозяйства. Короче говоря, безразличных людей не было. Бедняки и батраки

* Библиографическая ссылка приведена в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

восторгались, что деревня перекраивалась на новый лад, что они будут управлять делами колхоза, командовать, пользоваться привилегиями, а остальные будут трудиться. Но многие из них постепенно включились в непосредственную работу на полях, в животноводческих фермах, на строительстве колхозных сооружений. Середняки же за работу взялись добросовестно. Они были приучены трудиться с детства. Скажу так: действовала инерция в смысле участия середняка в повседневном труде. Она сохранилась вплоть до пятидесятых годов. Мужчины и женщины не допускали мысли о прожигании жизни в безделье.

Дети и подростки неглубоко осознавали насилие коллективизации. Некоторые из них радовались, что они вместе будут трудиться и играть во время перерывов, ездить на разных лошадях, пасти скот большими табунами, петь коллективные песни. Но порой, призадумавшись на мгновение, спрашивали: «А как же молочко будем пить и сметанку кушать, если коровы стоят на общем дворе?» Дети есть дети – наивный и откровенный народец.

И всё же отчуждение труженика от собственности уже тогда отрицательно сказывалось на его жизни и настроении. Реакция на лишение собственности была очень болезненной. Мужчины, ругаясь вслух или ворча себе под нос, со злостью плевали в воздух. Женщины плакали, расставаясь с любимыми коровушками: Белянками и Чернянками, Комолыми и Рогатыми, с овечками и козами. Домашний же скот, привыкший к ласкам своих хозяев и дворам, ревел дурным матом и убегал из общих дворов.

Всё это усиливало напряжённость в деревне. Кстати, овцы, кроме вкусного мяса, давали шерсть, из которой валялись прекрасные валенки (пимы), вязались рукавицы и перчатки. О полезности и нужности свеженького молочка дети уже высказались. Правда, совершился небольшой шаг назад: в каждом хозяйстве крестьянину

оставили одну дойную корову, птицу, овец и свиней в ограниченном количестве. Сталинский нажим дал небольшую осечку. Но надолго ли?

Дела с коллективизацией в разных населённых пунктах обстояли по-разному. В одних деревнях все дружно вступили в колхоз. В других местах сельчане никакому нажиму не поддавались. В третьих – одна половина деревни объединилась в коллективное хозяйство, второй разрешили быть единоличниками. В с. Орлово сначала организовали коммуны, даже открыли общую столовую, где коммунары питались бесплатно, по потребностям. Пища готовилась из тех продуктов, которые были отобраны у кулаков, отправленных в ссылку. Но вскоре, спохватившись, перешли к сельхозартели, столовую закрыли, так как кулацкие продовольственные запасы «растаяли», как снег в дружную весну. Правда, учащиеся Орловской школы один раз в день получали бесплатное питание в течение всего второго полугодия 1929/1930 учебного года.

Для порождения разнообразных слухов о ходе коллективизации давали повод даже необычные природные явления. Именно в зимнее время 1930 года, как тогда распространялось, небо «расколосось». Теперь-то происшедшее объясняется просто. Ночью в атмосферу влетел метеорит и над территорией нашего региона, сгорая от трения в воздухе, ярко осветил обширную территорию. Правда, видели это явление немногие. Мой же отец в ту ночь ехал из деревни Любимовой в свою деревню. Когда расколосось небо, он испугался. Второпях перекрестился, лёг в санях лицом вниз... Лошадь по кличке Карька была леноватой. Поэтому она спокойно трусила по дороге, и это отца немного приободряло. А очевидцы и неочевидцы начали домысливать, что видели в небесах, как дрались между собой два коня (белый и красный). «Переводилось» это так: либо победит сплошная коллективизация, либо останется по-преж-

нему. Иначе говоря, кто чего желал, тот и придумывал соответствующий исход борьбы двух коней.

О втором чуде. В эту же зиму повадилась прилетать в нашу деревню большая сова, чего не наблюдалось раньше. В один из вечеров она бросилась в окно бывшего кулацкого дома Свицерских, разбила стекло и перепугала тех, кто в это время обучался грамоте (здесь был открыт пункт по ликвидации неграмотности среди взрослого населения). И своеобразное поведение совы начали истолковывать как предвестие необыкновенного. Именно к кулацкому дому прилетела птица и напугала людей. Почти все, в том числе и я, упали на пол, некоторые поползли под столы, девушки завизжали.

К двум чудесам присоединилось третье. По какой-то причине самцы куропадок, обитавшие недалеко от деревни, тоже стали издавать необыкновенные звуки.

Далее случилось так, что и драка двух коней, и явление совы народу, и необычные крики куропачек действительно оказались предвестниками социального события. 14 марта 1930 года И. В. Сталин и его окружение, напугавшись крестьянских волнений в различных районах страны, подготовили и опубликовали постановление ЦК партии «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Что-что, а это постановление быстро «прилетело» и проникло в сознание сельских жителей. Наш колхоз, попросту говоря, рассыпался. Средняки (они составляли 70–80% общего числа жителей деревни) облегченно вздохнули, быстренько разобрали скот, который находился на общем дворе у Я. А. Меншутина. Развезли по личным дворам сельхозмашины, разделили семена и другое. Начали подумывать о весеннем севе 1930 года.